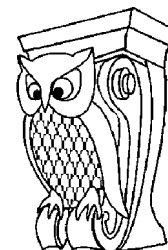

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 38–43
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 38–43
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-38-43>, EDN: MCLVLG

Научная статья
УДК 94(44)|15|+929Маргарита Ангулемская

Брачные союзы как инструмент политики в эпоху Позднего Средневековья (на примере судьбы Маргариты Ангулемской)

Е. В. Гаврилова

Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149

Гаврилова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук, Gavrilova@kti.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3135-2861>, Author ID: 613094

Аннотация. Статья посвящена брачной политике французского королевского дома в первой четверти XVI в. Автор выявляет причины заключения династических браков, мотивы выбора брачной стратегии. В центре внимания статьи – судьба сестры французского короля Франциска I Маргариты Ангулемской, которая играла заметную роль не только в истории Франции, но и оказала влияние на политическую ситуацию в Европе, создавая перспективы брачных комбинаций, определявших политику ведущих европейских государств этой эпохи.

Ключевые слова: брачный союз, брачный договор, Маргарита Ангулемская, Франциск I, герцог Карл Алансонский, Карл Габсбург, Генрих Наваррский, герцог де Бурбон

Для цитирования: Гаврилова Е. В. Брачные союзы как инструмент политики в эпоху Позднего Средневековья (на примере судьбы Маргариты Ангулемской) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 38–43. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-38-43>, EDN: MCLVLG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Marriage Alliances as a political tool in the Late Middle Ages (using the example of the fate of Marguerite of Angouleme)

E. V. Gavrilova

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 149 Moskovsky Prospekt, St. Petersburg 196105, Russia

Elena V. Gavrilova, Gavrilova@kti.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3135-2861>, Author ID: 613094

Abstract. The article is devoted to the problem of the marriage policy of the French royal house in the first quarter of the 16th century. The author identifies the political and dynastic reasons for the conclusion of princely marriages, the motives for choosing a marriage strategy. The article focuses on the sister of the French king, Marguerite of Angouleme, who played a prominent role not only in the history of France, but also influenced the political situation in Europe, creating prospects for brilliant marriage combinations that determine the policies of the leading European states of this era.

Keywords: marriage alliances, marriage contract, Marguerite of Angouleme, Francis I, Duke Charles of Alencon, Charles of Habsburg, Henry of Navarre, Duke de Bourbon

For citation: Gavrilova E. V. Marriage Alliances as a political tool in the Late Middle Ages (using the example of the fate of Marguerite of Angouleme). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 38–43 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-38-43>, EDN: MCLVLG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Для средневековой знати семья нередко служила инструментом политики, и особую роль она играла в королевских домах: заключая брак, можно было укрепить уже существующий союз между государствами, создать новый или же

прочнее привязать к себе недостаточно надежно-го союзника.

Со времен Средневековья до наших дней династический союз всегда был и остаётся одним из наиболее эффективных средств политического действия. Но, пожалуй, никогда династическо-

му браку не уделялось столько внимания, как на стыке Средневековья и Нового времени. И в этом отношении XVI в. особенно показателен: формирование крупнейших абсолютистских держав в Европе и начало создания колониальных империй – все это приводило к тому, что заключение брачных союзов находилось исключительно в сфере политики, направленной на укрепление могущества того или иного государства.

С этой точки зрения супружеские союзы Маргариты Ангулемской, королевы Наваррской, герцогини Алансонской и Беррийской, сестры Франциска I, короля Франции, представляют собой пример тщательно продуманной политической игры в брачном вопросе. Во-первых, Маргарита оставалась свободной для брака достаточно долгое время, что создавало широкие возможности для выбора. Затем, выйдя замуж за герцога Алансонского в 1509 г., она овдовела в 1525 г., и вновь стала объектом хитроумных уловок дипломатов, прежде чем была выдана замуж за короля Наварры Генриха д'Альбре. Во-вторых, эта семейная жизнь Маргариты относительно хорошо документирована. Она была принцессой очень высокого ранга, и ее судьба, безусловно, интересовала европейские дворы, что отразилось в дипломатической переписке, тщательно фиксирующей слухи о ее возможном замужестве. Однако этот тип источников необходимо использовать с осторожностью, поскольку послы могли использовать слухи в своих дипломатических играх с целью запутать дипломатию противника. Но и полностью игнорировать свидетельства этих источников тоже кажется ошибочным [1]. Неслучайно все биографы Маргариты в своих работах обращаются к такого рода источникам, что обогащает наши знания о королеве Наваррской.

Проблема брачных союзов французского королевского дома интересующего нас периода неоднократно поднималась в биографических работах, посвященных Маргарите Наваррской [2]. Большое количество документов о браках Маргариты было, в частности, собрано французским исследователем Пьером Журда [3].

Целью данной статьи является попытка определить особенности брачной стратегии в отношении Маргариты, последовательно изучив историю ее первого брака, вдовства и свадьбы с Генрихом д'Альбре, и, в конечном счёте, ответить на вопрос: почему браки Маргариты так волновали её современников.

В раннем детстве персону Маргариты не вызвала особого интереса при европейских дворах, поскольку нет никаких сведений о касающихся ее брачных планах до лета 1498 г., когда ей исполнилось 6 лет. С одной стороны, это объясняется тем, что юный возраст невесты вполне мог не устраивать потенциальных женихов. Известно, что аристократические помолвки

в возрасте до 6 лет хотя и не были очень широко распространены, но в то же время не являлись особой редкостью. Например, Клод Французской и Карлу Габсбургу при обручении было всего по году.

С другой стороны, вполне очевидно, что дочь Карла Ангулемского не была настолько востребованной невестой на европейском брачном рынке, чтобы вызвать интерес со стороны крупных европейских домов, во всяком случае, послы виднейших держав не упоминают о ней в своих донесениях. Конечно, она была принцессой королевской крови, но представители небогатого Ангулемского дома находились слишком далеко от короля, чтобы брак с Маргаритой действительно можно было рассматривать как союз с французским королевским домом.

Приход к власти в 1498 г. Людовика XII полностью перевернул эту ситуацию. Теперь наследники Ангулемского дома приближались к престолу, и это выразилось в том, что король усилил свой контроль над Маргаритой и Франциском. Юная принцесса неожиданно становилась одной из самых привлекательных невест, и ей было обещано грандиозное европейское бракосочетание, отвечающее интересам королевской дипломатии. Ее положение на рынке невест было особенно высоко, поскольку у Людовика XII до 1510 г. была только одна дочь, Клод, родившаяся в 1499 г., но очень быстро сошедшая с брачной дистанции, поскольку еще в 1501 г. была обещана Карлу Габсбургу. Таким образом, в течение 10 лет Маргарита была единственной французской принцессой, доступной на брачном рынке, и стала объектом самых высоких притязаний. Но Людовик XII уже решил «зарезервировать» свою молодую кузину за Англией, предложив ее в 1500 г. принцу Уэльскому [4, р. 260], а затем, после смерти последнего в 1502 г., его младшему брату Генриху [5, р. 511].

Безусловно, этот проект устраивал французский двор. В долгосрочной перспективе брак с будущим английским правителем позволял создать при дворе Тюдоров франкофильскую партию. Еще жива была память о выгодах, которые французская дипломатия могла извлечь из брака Маргариты Анжуйской с Генрихом VI в 1445 г. [6]. Но англичане каждый раз отклоняли французские предложения. Проект был возобновлен в декабре 1503 г., но без дальнейшего успеха [7, р. 590]. Разумеется, в глазах дипломатов Маргарита была всего лишь двоюродной сестрой короля, обреченной все больше отдаляться от престола, и маловероятно было на тот момент, что она могла серьезно усилить политические перспективы для будущего короля Англии. В своей работе Ж. Ж. Шампльон-Фижак приводит ответ, который якобы дал оруженосец Генриха VII Людовику XII: «Sire, combien que l'offre dudit mariage est honnourable et que ledit conte [François d'Angoulême] peut

par aventure suscéder à ladite couronne après vous, semble au roy vostre bon frere et cousin, mon souverain seigneur, et à son conseil, que le mariage n'est pas propice ne convenable, pource que vous et la royne, vostre compaignie, estes encoires assez jeunes et que pourrez encoires avoyn plusieurs enffans, tant en filz que en fille». («Сир, насколько благородным является предложение руки и сердца и насколько упомянутый граф [Франсуа д'Ангулем], желающий получить указанную корону после вас, кажется королю, вашему доброму брату и кузену, моему суверенному лорду, и его совету, что этот брак не только не благоприятный, но и не подходящий, потому что, по его мнению, вы и королева, еще довольно молоды, и у вас еще могут быть дети, как сыновья, так и дочери») [5, р. 520].

Тем не менее в июле 1505 г. Генрих VII поменял свое решение и попросил выдать Маргариту за принца Уэльского. Но теперь, как это ни парадоксально, именно французы отвергли английские предложения [8, р. 108]. Старый король Англии был настолько настойчив в создании этого союза, что даже предложил себя в женихи Маргариты, но в итоге ничего не добился [9, р. 23–26]. А осенью 1505 г. французская сторона окончательно отказалась от этого плана. Этот удивительный поворот французской политики можно легко объяснить, поместив в династический контекст. Серьезная болезнь, поразившая Людовика XII весной 1505 г., не оставляла надежд на появление долгожданного наследника ни у короля, ни при дворах Европы. В этой связи коренным образом изменяется положение Ангулемских герцогов [10, р. 365]. Возникла необходимость в переориентации французской брачной стратегии. Австрийская помолвка принцессы Клод (дочери Людовика XII) была расторгнута в пользу Франсуа Ангулемского [11, с. 68–72].

Болезнь Людовика XII также повлияла на положение принцессы Маргариты, которая теперь становилась сестрой наследника короны и открывала перед своим будущим супругом большие перспективы. Но наследник был еще ребенком со всеми вытекающими отсюда жизненными опасностями, среди которых главной была возможная ранняя смерть без потомства. И эта угроза повышала значимость руки Маргариты в глазах европейских дворов. Она могла претендовать на наследство Орлеанского дома, в котором допускалось наследование по женской линии.

Исследователи полагают, что в начале XVI в. исключение женщин из права наследования французского престола еще не приобрело непреходящую прочность. Практически во всех европейских странах строгие принципы наследственной линейности даже имели тенденцию ослабевать. Права правящих домов нигде не подвергались сомнению, но вот порядок престолонаследия вполне мог быть оспорен. Монархическая

власть, оставаясь ограниченной строгим династическим принципом, становилась все более харизматичной, и любой принц крови выглядел как потенциальный король. Примером тому служат Война роз в Англии, воцарения Карла де Виана в Наварре или Бельтранехи в Кастилии.

Таким образом, политическая фигура Маргариты обретала вес, особенно в случае гипотетической смерти Франциска, лишённого каких-либо близких родственников мужского пола. Полностью отстранить Маргариту, в жилах которой текла королевская кровь, от власти было невозможно. Дипломаты осознавали эту ситуацию и не могли исключить династические случайности, поэтому становилось понятно, что английский альянс был Ангулемскому дому больше не выгоден.

Об этом же еще в июле 1505 г. венецианский посол сообщал Совету десяти: французы, «ожидая короны Франции в Ангулеме, не отдали свою сестру Англии, чтобы не дать этому королю возможности претендовать в будущем» (*aspettandosi a d'Angoulême la corona di Francia, nondarrebbono la sorella in Inghiltera, per non dare occasione di ragioni a quel re per etempi futuri*) [8, р. 108] на французскую корону.

Судьба принцессы была решена, когда Людовик XII, исключив всех иностранных претендентов на руку Маргариты, 2 декабря 1509 г. передал ее Карлу д'Алансону, французскому принцу. Все биографы Маргариты отмечают, что в основе этого союза лежало стремление урегулировать многолетний судебный процесс между Ангулемским и Алансонским домом из-за прав на наследство Арманьяков. И действительно, брачный договор предусматривал отказ Франциска д'Ангулемского от этих прав в пользу его нового зятя. Конечно, Людовик XII, опекун Маргариты, должен был стремиться уладить разногласия между младшими ветвями королевского дома, но решать этот вопрос ценой брака принцессы такого уровня кажется удивительным.

Есть, на наш взгляд, основания предполагать, что Алансонский брак стал следствием новой брачной стратегии, в рамках которой также отказались от австрийской помолвки в пользу Франциска. Карл д'Алансон оказался ближайшим наследником Франциска д'Ангулема по мужской линии и в соответствии с «салическим законом» мог надеяться на французский трон, который при других обстоятельствах был для него недостижим. Бракосочетание с принцессой Маргаритой приближало алансонцев к трону, поскольку Карл становился зятем будущего короля, а его собственный сын, который по отцовской линии имел бы только 14-ю степень родства с Франциском, по материнской линии стал бы его племянником.

Таким образом, Маргарита была важным связующим звеном между братом и мужем. И с воцарением Франциска она стала определяющим

фактором преемственности французского государства, особенно с учетом того, что у ее брата еще не было детей. Маргарита, по сути, играла для своего мужа ту же роль, что и Клод Французская для Франциска.

Кроме того, новый король осыпал Алансонский дом благодеяниями. Карл получил титул первого светского пэра и «второго лица королевства». Франциск передал ему управление Нормандией и отказался в его пользу от королевских прав на наследство Арманьяков.

Маргарита, как принцесса крови и жена наследника престола, играла значительную роль при дворе. Однако со временем ее положение начинает меняться. Рождение у короля троих сыновей отодвигает Карла Алансонского от престола и снижает влияние Маргариты при французском дворе.

Ситуация меняется после смерти королевы Клод и катастрофы при Павии 24 февраля 1525 г., приведшей к пленению короля. Регентом Франции становится Луиза Савойская – мать короля, и герцогиня Алансонская вновь начинает играть заметную роль в политике королевства. Кроме того, Маргарита становится вдовой, потеряв мужа, скончавшегося 11 апреля 1525 г. в Лионе. Король Франциск I, вступая в переговоры с Карлом V, имел возможность политического маневра для заключения союза в лице своей сестры, вновь свободной для заключения брачного союза.

Усилия французской дипломатии были направлены на то, чтобы внести разногласия между победителями и разорвать союз Карла V и коннетабля де Бурбона, который скрепляла помолвка Элеоноры, сестры императора, обещанная мятежному герцогу.

Вступив в мирные переговоры с Габсбургами, Франциск просил руки испанской принцессы, тем самым ставя их в сложное положение. По дипломатическим обычаям той эпохи заключение мирного договора могло сопровождаться брачным союзом. Но, поскольку у испанцев не было другой принцессы, кроме Элеоноры, выбрать предстояло между Франциском и герцогом де Бурбоном. Карл V, чтобы не ставить под угрозу отношения с коннетаблем, предложил Франциску заключить союз между дофином и Марией Португальской, дочерью Элеоноры от первого брака [5, р. 153].

В этой ситуации смерть герцога Алансонского позволила Франциску предложить Бурбону руку Маргариты. После официального объявления эта новость быстро облетела европейские дворы.

Дипломатические игры Франции имели несомненный успех, даже в случае провала этого проекта союз между Карлом и Бурбоном подвергался серьезному испытанию, породив атмосферу недоверия. Таким образом, Франциск трансформировал свое военное поражение в дипломатический успех и отправлялся в испанский

плен, обладая серьезными дипломатическими активами: финансовые трудности Испании, неустойчивая позиция Бурбона, колебания англичан – все это могло сыграть в его пользу.

Среди биографов Маргариты высказывается мнение, что она была настроена резко против этого союза, полагая для себя неприемлемым становиться супругой предателя Франции. Но было бы наивно полагать, что личные предпочтения Маргариты могли повлиять на брачную стратегию государства. В основе династического брака почти никогда не лежали чувства. В лучшем случае заботились о том, чтобы будущий супруг не испытывал непреодолимого отвращения к своей супруге, поскольку это могло нанести серьезный ущерб династическим интересам. Безусловно, Маргарита отдавала себе отчет в том, что династический брак – это дело политическое, тем более что коннетабль де Бурбон, принц крови, знаменитый полководец и богатый феодал, не мог считаться плохой партией.

Другое дело – отношение к этому союзу королевы-матери Луизы Савойской. Именно ее действия спровоцировали измену коннетабля, поскольку она объявила о своих претензиях на наследство жены герцога Бурбон-Боже, которое было решено в ее пользу. Вражда между королевой и герцогом привела к тому, что регентша попыталась сорвать этот проект, предложив партию Рене Французской, младшей дочери Людовика XII, которой герцог вполне мог бы довольствоваться, а Маргариту – Карлу V. Но королеве Луизе не удалось реализовать этот план, и она была вынуждена согласиться на брак Маргариты с герцогом Бурбоном [5, р. 525].

Переговоры продолжались в течение лета, и испанцы, похоже, смирились с тем, что согласились на предложенный французами двойной брак. Во всяком случае, такие слухи ходили по европейским столицам. Например, венецианский посол объяснял задержку отъезда Маргариты ожиданием испанских гарантий относительно ее брака с коннетаблем. Несомненно, она получила их, если судить по письму Карла V своему послу в Риме от 13 августа. В нем император объявил, что мир вот-вот будет подписан и что остается только ждать приезда в Толедо Маргариты и коннетабля [4, р. 287].

Но больше вопрос об этом брачном проекте не поднимался. Дело в том, что Франциск заболел в испанском плену, и ситуация резко изменилась. В случае смерти короля ему наследует дофин, которому на тот момент исполнилось 7 лет. Следовательно, государством в течение долгих лет будет управлять регент. Луиза Савойская была уже в возрасте и испытывала проблемы со здоровьем. А это означало, что Маргарите, вероятно, пришлось бы взять на себя эти обязанности. И тогда герцог Бурбонский, ставший первым принцем крови после смерти герцога Алансонского, возымел бы серьезное влияние

на управление страной. А в случае женитьбы на Маргарите у него появилась бы возможность поставить монархию под свою опеку. Таким образом, как и в 1505 г., серьезные династические императивы сделали брак Маргариты политически неприемлемым.

Осенью 1525 г. ситуация вновь кардинально изменилась. Выздоровление короля, а затем угроза его отречения вынудили испанцев согласиться на Мадридский договор. Король Франции взял в жены испанскую принцессу, вернулся домой и положил конец всем угрозам жизнеспособности Ангулемской династии. Маргарита отошла от государственных дел, и ее руку вновь можно было безопасно использовать в дипломатических целях.

В январе 1527 г. Маргарита вышла замуж за Генриха д'Альбре, короля Наваррского. Заключение этого союза позволило Франциску I продолжить политику осторожного, но последовательного нарушения Мадридского договора, в котором был пункт, обязывающий короля Франции не оказывать прямой или косвенной помощи дому д'Альбре против императора. Заключение брака между Маргаритой и Генрихом Наваррским, враждовавшим с Испанией, оккупировавшей с 1512 г. почти все его небольшое королевство, было враждебным актом по отношению к Карлу Габсбургу [12].

Не имея достаточных средств для борьбы с Испанией за свое королевство, Генрих Наваррский, тем не менее, осознавал себя в праве и принимал активное участие в антииспанских кампаниях. В битве при Павии он даже попал в плен, но ему удалось бежать.

Заключение брака между Генрихом и Маргаритой создавало основания для военного союза. Франциск рассчитывал использовать войска Наварры для того, чтобы в приграничных сражениях в Пиренеях оттягивать силы испанцев на итальянском театре военных действий. В более долгосрочной перспективе король мог разыграть наваррскую карту в обмен на испанские уступки в Бургундии и Милане. Таким образом, французская дипломатия рассчитывала извлечь серьезные выгоды из брака Маргариты.

Однако этот брак не принес ожидаемого эффекта. Мало кто в Европе верил в то, что Франциск разрешит Наваррский вопрос. Кроме того, Наваррский брак не повлиял по большому счету и на Итальянскую кампанию Бурбонов, и во время переговоров в Толедо в сентябре 1527 г. французские полномочные не смогли отстоять интересы Маргариты и Генриха Наваррского, что впоследствии приведет к сближению последнего с Карлом V.

Меньше всех от этого брака выиграла Маргарита. Выйдя замуж за Альбре, она стала королевой, не имеющей суверенного государства. К тому же она была достаточно знакома

с французской политикой, чтобы не питать особых иллюзий относительно поддержки, которую ее брат мог бы оказать Наварре. Она старалась повлиять на Франциска в этом вопросе, но безуспешно, что в итоге привело к охлаждению отношений между нею, братом и матерью. Кроме того, выйдя замуж за иностранного государя, она утратила реальное политическое влияние во Франции. Если еще недавно вдова герцога д'Алансона вела переговоры в Толедо на самом высоком уровне, то теперь королева Наваррская фигурировала во французских делегациях только в протокольных мероприятиях [13, р. 123–139].

Насколько этот союз удовлетворял Генриха Наваррского? С одной стороны, Маргарита была хороша собой, блестяще образована, принесла ему богатое приданое (45 000 ливров и Арманьякские права, унаследованные ею от мужа и значительно укрепившие владения Альбре). С другой стороны, ей было почти 35 лет. За 15 лет брака с герцогом Алансонским она не смогла произвести на свет наследника. Может быть, в этом была причина, по которой испанский двор не согласился на ее брак с Карлом, ведь в то время ни у императора, ни у его брата Фердинанда наследников не было.

Таким образом, Генриху д'Альбре дорого обходился его престижный союз, поскольку у него не было брата, он рисковал будущим своей династии. Эта перспектива не могла не быть предусмотрена Франциском I, когда он отдавал свою сестру представителю одной из последних крупных феодальных семей королевства. И как оказалось, надежды оправдались – у Маргариты и Генриха выжила единственная дочь, которая была призвана ко двору и воспитывалась вдали от родителей. Браком Жанны д'Альбре с Антуаном де Бурбоном французская монархия еще более связала Наварру с Францией.

Таким образом, важность браков Маргариты была в значительной степени недооценена, хотя в конечном итоге они и не раскрыли всей полноты своих потенциальных возможностей. Сестра Франциска была слишком близка к трону, чтобы брачная политика в отношении нее не определялась государственными интересами. Напомним, что после свадьбы Екатерины Французской и Генриха V в 1420 г. старшие дочери короля Франции были «зарезервированы» за принцами крови, и только младшие дочери по-прежнему могли использоваться в дипломатической игре.

В этом смысле показательны колебания французского двора в поисках жениха для Маргариты. До 1505 г. она была достаточно удалена от трона, чтобы ее можно было рассматривать в интересах французской внешней политики. Разрыв австрийской помолвки принцессы Клод Французской значительно приблизил Маргариту к власти, и теперь ее брак с иностранным

принцем стал политически невозможен, что привело к тому, что ее пришлось оставить принцу крови. Наличие многочисленных наследников у Франциска и Клод позволило вновь свободно распоряжаться рукой Маргариты, когда она овдовела, но болезнь короля и перспектива регентства привели к тому, что ее Бурбонский брак распался. Потребовалось исцеление и освобождение из плена Франциска, чтобы Маргарита, теперь уже окончательно отдалившаяся от французского престола, снова стала объектом для матримониальных планов уже Наваррского союза. В этом смысле второй брак Маргариты стал подтверждением того, что он утратил свое значение.

Высокая политическая значимость Маргариты при французском дворе в первые десятилетия XVI в. объясняется династическими особенностями королевского дома. Впоследствии, после появления достаточного количества наследников у короля, ее влияние сошло на нет. Но кроме этого изменилась и сама политическая ситуация. Уходили в прошлое мятежи крупных вассалов и принцев крови. В Европе сложились централизованные государства, основанные на абсолютной власти монарха.

Список литературы

1. *Marrou H.-I.* De la connaissance historique. Paris : éditions du Seuil, 1954. 300 p.
2. *Jourda P.* Une princesse de la Renaissance, Marguerite d'Angoulême, reine de Navarre 1492–1549. Paris : Slatkine Reprints, 1973. 290 p.
3. *Jourda P.* Marguerite d'Angoulême, duchesse d'Alençon, reine de Navarre : en 2 volumes. Paris : Champion, 1930. Vol. 1. 375 p.
4. *Gayangos P., Bergenroth G. A.* Calendar of letters, despatches and state papers relating to the negotiations between England and Spain : in 2 vols. London : Longmans, 1862. Vol. 2. 562 p.
5. *Champollion-Figeac J. J.* Lettres de rois, reines et autres personnages des cours de France et d'Angleterre : en 2 tomes. Paris : Imprimerie Royale, 1847. T. 2. 614 p.
6. *Bagley J. J.* Margaret of Anjou. London : H. Jenkins, 1948. 256 p.
7. *Sanuto M.* I Diarii di Marino Sanuto : in 55 volumi. Venise : M. Visentini, 1883. Vol. 5. 650 p.
8. *Desjardins A.* Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane : en 6 tomes. Paris : Imprimerie impériale, 1861. T. 2. 1117 p.
9. *Brewer J. S., Gairdner S.* Letters and papers foreign and domestic of the reign of Henry VIII : in 14 vols. London : H. M. Stationery Office, 1882. Vol. 2. 794 p.
10. *Lecoq A. M.* François I-er imaginaire, symbolique et politique à l'aube de la Renaissance française. Paris : Macula, 1987. 565 p.
11. *Лемонье А.* Итальянские войны (1492–1518). СПб. : Евразия, 2020. 288 с.
12. *Boissonnade P.* Histoire de la réunion de la Navarre à la Castille: essai sur les relations des princes de Foix-Albret avec la France et l'Espagne (1479–1521). Paris : Picard, 1893. 685 p.
13. *Ripart L.* Marguerite à Nice (juin 1538) // Actes du colloques Marguerite de Navarre. Nice : Faculté des lettres, arts et sciences humaines, Université de Nice 1993. P. 123–139.

Поступила в редакцию 23.07.2024; одобрена после рецензирования 15.09.2024; принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 23.07.2024; approved after reviewing 15.09.2024; accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025